

Первая встреча с Цуй Жаныцзюнем едва не обернулась для Цзи Чэньцы настоящим потрясением...

Лицо этого парня было настолько совершенным, что Цзи Чэньцы застыл у порога, почти две минуты не в силах отвести взгляд от этой красоты.

В конце концов, Цуй Жаныцзюнь, почувствовав неловкость, подал голос:

— Привет? Ты новый стажер?

Приехавший в Корею совсем недавно, Цзи Чэньцы еще не понимал разницы между формальным и неформальным стилем речи. Позже, спустя долгое время, Цуй Жаныцзюнь, по привычке дергая его за ухо, будет ворчать:

— В первый раз я подумал, что ты какой-то крутой сонбэ! Стоишь, смотришь на меня так нагло, а потом открываешь рот — и сразу на ты!

Цзи Чэньцы лишь прикрывал уши руками и оправдывался:

— А-а, ну правда, как можно так издеваться над иностранцем!

Конечно, чем ближе становились их отношения, тем более нелепыми казались воспоминания о первой встрече.

Изначально Цзи Чэньцы решил покинуть родной дом и отправиться в чужую страну, чтобы осуществить свою дерзкую мечту, лишь потому, что однажды увидел выступление того самого сияющего сонбэ на сцене.

Но стоило ему приземлиться, как в аэропорту его преградил путь мужчина в очках.

— Он сказал, что он скаут из Big Hit.

Четырнадцатилетний Цзи Чэньцы, разумеется, не поверил...

Но судьба распорядилась иначе: на следующий день, оказавшись на площади, он снова столкнулся с этим «очкастым скаутом»...

Цзи Чэньцы решил рискнуть и согласился поехать с ним в компанию на разведку.

Когда он подписывал контракт, ему казалось, что он спит.

Сразу после этого мужчина, назвавшийся скаутом, затащил его в общежитие, мотивируя это тем, что пора бы освоиться в компании стажеров...

Так и произошла та самая первая сцена.

Цуй Жаныцзюнь чувствовал себя крайне неловко: этот паренек напротив сходу перешел на неформальный тон. Может, он старше?

Цзи Чэньцы захлопал глазами и принялся что-то невнятно объяснять:

— Я иностранец.

Цуй Жаныцзюнь нахмурился, с трудом разбирая его бормотание на корейском:

— А... какого ты года?

Цзи Чэньцы растерялся. Этот невероятно красивый парень произнес целую тираду, из которой он не понял ни слова...

— Э-э... я не понял...

Цуй Жаныцзюнь открыл рот от изумления... Это было просто абсурдно: как можно приехать работать, не зная языка?

Так они и начали общаться: Цзи Чэньцы жестикулировал и пытался подбирать обрывки корейских фраз.

— 02-го года? А! Ты родился в 2002-м? Тогда должен называть меня хёном!

Цзи Чэньцы смотрел на внезапно разволновавшегося Цуй Жаныцзюня, не понимая, что происходит.

Цуй Жаныцзюнь, который поначалу обрадовался, узнав, что новый сосед младше него, посмотрел на озадаченного Цзи Чэньцы и смиренно вздохнул:

— Ладно... тебе нужно учить корейский, Цы...

Цуй Жаныцзюнь с детства знал, что он везунчик. Семья была обеспеченной, родители поддерживали любые его решения, и даже когда он объявил о желании стать айдолом, отец лишь сказал:

— Наш Жаныцзюнь обязательно дебютирует и станет большой звездой!

Жизнь во время учебы в Америке была по-своему счастливой, но, глядя на уличные танцевальные группы, Цуй Жаныцзюнь не мог подавить трепет в сердце.

Юношеский взгляд не заглядывал далеко в будущее, но внутри него вдруг зазвучал голос:

— Попробуй. А вдруг получится?

И юноша вернулся из чужой страны на родину. Он смотрел на постеры сонбэ, развешанные в переулках, и его глаза светились надеждой.

Каково это — танцевать на сцене?

Если уж делать что-то, то делать это лучше всех.

С этой пылкой решимостью он шагнул в тесный и душный подвал.

Из-за того, что людей было слишком много, зеркала запотевали от дыхания...

Из-за сырости одежда вечно липла к телу, вызывая дискомфорт...

Из-за того, что в одной маленькой комнате теснилось столько мечтаний, шум не стихал ни на минуту...

Часто, возвращаясь в общежитие после ночных тренировок, Цуй Жаныцзюнь смотрел в небо, где не было видно звезд, и спрашивал себя:

— Действительно ли я добьюсь успеха?

Надо продержаться еще немного, — убеждал он себя.

И вот, в тот день, когда он уже почти решил собрать вещи и вернуться домой, в дверь общежития постучали...

На пороге стоял незнакомый парень. На вид совсем ребенок, с узкими глазами, которые поначалу казались неприветливыми, но при разговоре на щеках появлялись очаровательные ямочки.

Словно в терпкий напиток добавили два прозрачных кусочка льда.

Такое первое впечатление сложилось у Цуй Жаныцзюня, когда он открыл дверь.

Очень необычное ощущение. До тех пор, пока парень не открыл рот и не спросил на неформальном:

— Это общежитие?

Цуй Жаныцзюнь почувствовал, как внутри все похолодело... Неужели он столкнулся с хулиганом?

Но, услышав его ломаный, невнятный корейский, он вдруг осознал:

— Это же иностранный малыш...

Может, потому, что солнце за его спиной светило так ярко, а может, из-за прохладного ветра, дувшего из окна, Цуй Жаныцзюнь внезапно решил остаться.

Остаться вместе с этим ребенком, который приехал за мечтой, даже не выучив языка.

Чтобы вместе пройти этот путь.

Цуй Жаныцзюнь — очень надежный хён.

Цзи Чэньцы понял это на третий день знакомства со своим красивым соседом.

Из-за возраста и плохого знания языка Цзи Чэньцы был очень молчалив. Кто-то другой на его месте давно был бы изолирован «сонбэ» в этой тесной подвальной студии.

Но Цуй Жаныцзюнь всегда таскал его за собой, заставлял здороваться со всеми старшими, дарить подарки и говорить вежливые слова.

И сонбэ в этой студии в целом проявляли к ним благосклонность.

Цзи Чэньцы смотрел на стоящего рядом Цуй Жаныцзюня, одетого в майку, с которой градом катился пот, и чувствовал, как сердце наполняется теплом.

Если это начало их истории, то пусть они всегда идут плечом к плечу.

Но это жестокий мир К-рор.

Тысячи юношей приходят сюда ради одного луча света, который должен упасть именно на них.

Конкуренция — там, где есть группа, конкуренция становится битвой.

В первый месяц, будучи новичком, Цзи Чэньцы, не осознававший давления, воочию увидел мощь ежемесячных оценок.

Президент, похожий на надувной шар, обвел маленькими глазками собравшихся ребят.

Цзи Чэньцы пришлось долго переводить в голове слова, слетавшие с его приоткрытых губ, чтобы понять хотя бы половину.

Но, видя, как у многих в комнате поникли плечи, он догадался — ничего хорошего тот не сказал.

Цзи Чэньцы лишь украдкой поглядывал на Цуй Жаныцзюня, боясь, что его хён, который так о нем заботился, сильно расстроится.

Но тот лишь опустил голову, разглядывая свои пальцы, и с трудом сдерживал улыбку...

Цзи Чэньцы почувствовал неладное.

Хён, президент же ругается, как ты можешь так открыто улыбаться!

Он уже было хотел толкнуть его локтем, как вдруг услышал свое имя...

Цзи Чэньцы резко поднял голову, дрожа от страха.

— Он тебя хвалит! — прошептал Цуй Жаныцзюнь.

У Цзи Чэньцы расширились и зрачки, и ноздри:

— Чего?

Президент-шарик лишь щурился и кивал:

— С выражением лица не очень, да?

Эту фразу он понял.

Цзи Чэньцы опустил голову:

— Да, извините...

Когда президент в сопровождении учителей покинул зал, Цуй Жаныцзюнь наконец выдохнул и похлопал по голове ошарашенного малыша:

— Ты был великолепен, Цы!

Весь этот месяц Цуй Жаныцзюнь водил его на все уроки корейского, поэтому проблем с общением между ними почти не было — хотя Цзи Чэньцы все еще плохо понимал остальных...

По этому поводу Цуй Жаныцзюнь тайком спрашивал учителей, не может ли его младший брат быть умственно отсталым.

Учитель широко открыл глаза, решительно отрицая это, и строго заметил:

— Он очень умный ребенок, не говори так при нем, это может его ранить!

Цуй Жаныцзюнь повернулся и посмотрел на младшего, который явно витал в облаках, и кивнул.

Что ж, похоже, только он один может спасти этого «недалекого братишку».

<http://bllate.org/book/20961/2126653>